

Кубанское казачество

**Историко-литературный и иллюстрированный
журналь. № 1-3 (1931-1932)**

УДК 93
ББК 63.3
К88

К88 Кубанское казачество: Историко-литературный и иллюстрированный журнал. № 1-3 (1931-1932) / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 104 с.

ISBN 978-5-518-02358-1

ISBN 978-5-518-02358-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На Запорожьи и Дону, мы знаемъ, что день Покрова праздновался особенно торжественно. Къ этому дню казачество стекалось отовсюду къ своему главному городу. Стекалось оно и для того, чтобы закончить прошедшій хозяйственный годъ и подготовиться на годъ новый.

Въ день Покрова въ Сѣчи Запорожской отбывалась Рада, на которой складывали счета передъ «товариствомъ» всѣ Войсковые чины; на Дону передъ Покровомъ, въ память Азовскаго сидѣнія, отбывались торжества на Монастырскомъ урочищѣ — мѣстѣ упокоенія сложившихъ свои головы за честь казачью защитниковъ Азова, а на Покровъ Войсковой Кругъ снималъ счета съ Войскового начальства. И на Запорожьи, и на Дону отбывалась въ это время обильная «войсковая трапеза» для всѣхъ присутствующихъ.

Въ Сѣчи Запорожской праздникъ этотъ былъ еще тѣмъ торжественнѣе, что онъ былъ престольнымъ праздникомъ главной Запорожской — Сѣчевой Покровской церкви. Покровъ на Запорожьи чтился особенно и въ честь его было посвящено очень много казачьихъ церквей.

Въ Сѣчевой церкви Войсковой запрестольный образъ представлялъ Богоматерь, осѣняющую омоворомъ своимъ колѣнопреклоненное Войско Запорожское.

Образъ этотъ ушелъ въ Задунайскую Сѣчь, послѣ эмиграціи казаковъ въ Турцію, въ связи съ разрушеніемъ Сѣчи и уничтоженіемъ Войска Запорожскаго Екатериной II, въ 1775 году; ушла туда же и традиція празднованія Покрова какъ Войскового Праздника; унесли ее туда не только Запорожскіе казаки, но и доно-волжскіе казаки-эмигранты 1680, 1708 г.г., образовавшіе на Кубани Великое Войско Кубанское, перешедшее потомъ въ Турцію.

Эти первые Кубанцы до послѣднихъ дней своего Войскового существованія праздновали Покровъ какъ Войсковой Праздникъ.

Эту же самую традицію перенесли на Кубань и послѣдующіе кубанцы — Войско вѣрныхъ казаковъ Кошу Запорожскаго, впоследствии Черноморское и казаки Линейныхъ Войскъ — выходцы и переселенцы на Сѣверный Кавказъ изъ Войскъ Донскаго, Волжскаго и иныхъ; казаки Гребенскіе и Терскіе хранили Войсковой Праздникъ Покрова съ незапамятныхъ временъ.

Долгое, очень долгое время день Покрова былъ общеказачьимъ Войсковымъ Праздникомъ и для всей Кубани. Многовѣковая, тысячелѣтняя, традиція эта была нарушена только въ 1830-хъ годахъ. Въ этомъ году для казачества было введено новое Положеніе; тогда же императоръ Николай I назначилъ Войсковымъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ Войскъ своего сына наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и день его тезоименитства — день св. Александра Невскаго — 30-го августа былъ сдѣ-

ланъ Войсковымъ Праздникомъ казачьимъ; въ томъ числѣ и Кубани.

Всѣ торжества — церковныя и военныя, связанная съ Войсковымъ Кругомъ — теперь уже блестящимъ парадомъ, съ выносомъ регалій и прочтеніемъ грамотъ были перенесены на этотъ день.

На Кубани онъ получилъ еще большую торжественность, когда въ Екатеринодарѣ былъ освященъ новый Войсковой Соборъ въ честь св. Александра Невскаго, взаменъ снесеннаго стараго собора перныхъ Черноморцевъ - Запорожцевъ. Не только въ самомъ Екатеринодарѣ — въ станицахъ войсковой праздникъ утратилъ свою задушевность, тѣсно связанную съ праздникомъ Покрова; онъ сталъ больше официальнымъ праздникомъ тамъ, гдѣ одновременно не было храмового престольнаго праздника.

Внѣшняя сторона праздника продолжала же быть такою великолѣпною, какой она бывала и ранѣе.

Она еще болѣе стала великолѣпною, когда въ 1905 году произошло долгожданное событіе — родился наслѣдникъ цесаревичъ, къ которому, по старой уже традиціи, перешелъ титулъ Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ Войскъ.

Должность эта, съ воцареніемъ императора Николая II, оставалась вакантною съ 1894 года — у царя не было сына, а у казаковъ Атамана — были только Наказные.

Незгоды японской компаніи, революціи, смута, все какъ будто были забыты на время и день именина наслѣдника Алексія, по старой же традиціи, снова сталъ днемъ войскового праздника, со всѣми его торжествами.

Такъ праздновалось все время до начала 1917 года, когда волна разнузданной революціи повергла все и вся; растоптала и смела многое и многое, что уже стало дорогимъ для цѣлыхъ поколѣній.

Не стало царя, не стало и царственнаго Атамана; но Войсковой Праздникъ въ день св. Алексія митрополита Кіевскаго и всея Русіи, родомъ волынскаго боярина — украинца, остался въ нашемъ Войскѣ.

Мѣнялись традиціи, мѣнялись устои подъ громъ кровавой борьбы съ поработителями казачества.

Снова ожила мысль возобновить общій древнеказачій праздникъ всѣхъ Войскъ — Покрова пресв. Богородицы; но мысль эта осталась неосуществленною, на эмиграцію мы вышли со старымъ Войсковымъ праздникомъ 5-го октября.

Этотъ дорогой осколокъ блестящаго празднованія Войскомъ на далекой безконечно дорогой Родинѣ былъ одинаково дорогимъ всѣмъ казакамъ — эмигрантамъ; монархистъ, республканецъ, вольный казакъ, единонедѣлимствующій или соборноукраинствующій кубанецъ сходились вмѣстѣ за трапезой этого дня, въ дружеской казачьей бесѣдѣ вспомнивая былое славнаго Войска.

Не той козакъ шо зборовъ, а той — шо вывернувся.

Одни праздновали въ немъ блескъ Россійской Имперіи и славнаго казачества въ немъ, другіе — украинца - митрополита, третьи — просто казачью традицію, принесенную съ далекой Кубани, а иные, какъ самостійники, сближали этотъ день съ старо-казачьимъ праздникомъ Покрова.

Европа, скорѣе цѣлый свѣтъ, заставляють насъ уже не придерживаться точно дня 5-18 октября. Мы больше празднуемъ свою традицію и приближаемъ ее къ другому великому древнеказачьему празднику Покрова.

Но какъ бы то нибыло, день этотъ, день Войскового Праздника, есть день радости всѣхъ насъ. Въ этотъ день мы собираемся всѣ вмѣстѣ, откры-

ваемъ наши сердца радостью, живемъ мыслями о родныхъ, Войскѣ и Кубани.

Этотъ день — это наша вторая Пасха, на который мы идемъ съ золотыми сердцами золотого пасхальнаго слова:

«Воскресенія»

и на которомъ ни одному изъ Васъ, Доблестное Казачество, не будетъ поставлено виною, кто въ дѣяніяхъ своихъ ради

«Воскресенія Казачества» — согрѣшилъ или заблудился, такъ какъ —

— Всѣ мы сыны Единой Матери - Кубани, всѣ мы дѣти Единой Семьи Казачьей!..

ПЛАСТУНЫ

Подъ пластунами въ наше время подразумѣваютъ казачью пѣхоту. Въ Великую войну и войны съ РСФСР были пластуны не только кубанскіе, но и донскіе, терскіе, были пластуны и у сибирскихъ казаковъ. Передъ войной только кубанская казачья пѣхота носила, да и то всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, названіе пластуновъ.

Пластуны прославились по цѣлому свѣту; казачья пѣхота вообще славилась съ давнихъ давень. 500 лѣтъ тому назадъ, въ битвѣ войскъ литовско-польскихъ съ нѣмецкими крестоносцами, при Грюнвальдѣ, четыре казачьихъ полка рѣшили ее участь и положили предѣлъ движенію кровавыхъ тевтоновъ въ славянскія земли.

Отъ казаковъ и казачьей пѣхоты учились военному искусству и европейскіе воины.

Славный чешскій полоководецъ Янъ Жижка, служившій сначала въ Литвѣ, протекторатъ Великаго князя, котораго признавали и Днѣпровскіе казаки, перенялъ отъ казаковъ способъ пѣшаго боя изъ-за возовъ въ лагерѣ и съ возовъ при походѣ. Модернизировавъ казачьи возы, онъ эту тактику казачьей пѣхоты искусно примѣнялъ въ гуситскихъ войнахъ первой четверти 15-го столѣтія

Казачья пѣхота особенно славилась въ 16 — 17-омъ стол., въ войнахъ съ Польшей, Турціей и Крымомъ искусствомъ обороны въ укрѣпленномъ возами лагерѣ и боя воевого на походѣ — это была скифская тактика ихъ отдаленныхъ предковъ.

Въ 16 — 17 ст. казачья пѣхота наводила страхъ и трепеть своимъ десантомъ на могущественную Турцію, передъ которой дрожалъ весь старый міръ. Взятіе Казани въ 1552 году, Азова въ 1637 и его славная оборона 1641 г. — все это дѣло казачьей пѣхоты.

Французскій военный писатель Бопланъ, близко знавшій казаковъ Запорожья, свидѣтельствовалъ въ половинѣ 17-го ст., что казачья пѣхота есть наилучшая въ мірѣ, а король польскій, Янъ Собѣскій, безъ нея не рѣшался разить осаду турокъ подъ Вѣной. Въ концѣ 17-го ст. казачья пѣхота подъ той же Вѣной рѣшила участь боя и положила конецъ продвиженію турокъ на Западъ.

Въ войнахъ 18-го ст. перевѣсъ въ казачествѣ пріобрѣтаетъ конница, но Запорожская пѣхота еще покрываетъ себя неуязвимой славой въ войнахъ съ турками и пріобрѣтаетъ остаткамъ Запорожцевъ въ Россійской имперіи право на существованіе **Войскомъ Черноморскимъ**.

Тамъ, въ Запорожьѣ, и родились «пластуны» — отборнѣйшіе казаки, несшіе пѣшую или спѣшенную службу въ боевые дни, а въ мирное время ведшіе такой образъ жизни, который выковывалъ изъ нихъ цвѣтъ казачества.

Вотъ что о нихъ говоритъ Атаманъ Кухаренко, самъ видѣвшій старыхъ Запорожцевъ, въ разсказѣ «Пластуны»:

«Старые казаки - сичевики было разсказываютъ такъ: что у Запорожцевъ на Днѣпрѣ пѣхота сидѣла

въ Сичи, а конные жили въ Великомъ Лугѣ, изъ-за хорошей пастбы. Какъ пѣхотѣ такъ и конникамъ свободно разрѣшалось въ мирное время заниматься — кому рыболовствомъ, кому «пластунствомъ»...

Пластуны стрѣляли дикихъ звѣрей, которыхъ тогда въ дѣтровскихъ плавняхъ было вдоволь. Пластунами, говорятъ, назывались потому, что были «непосѣдами», все шатались по плавнямъ и такъ какъ больше имъ приходилось мѣсить грязь, чѣмъ ходить по сухому, сирѣчь «пластать», то и прозвались «пластунами».

Группа г. офицеровъ 1-го Кубанскаго пластунскаго баталіона въ гор. Артвинѣ, въ 1891-омъ году.

Въ турецкой войнѣ 1789-91 г. «пластуны были и въ пѣхотѣ и въ конницѣ»... По переходѣ на Кубань, холостая сірома «охочая на звѣрей, разсыпалась по плавнямъ, и по запорожскому образцу — добычничала. При пластунахъ были охочіе хлопцы, при нихъ они и выросли, а научившись искусству и сами становились пластунами»... Кухаренко очень подробно описываетъ жизнь и приемы пластуновъ того времени, но «если написать всѣ пластунскіе порядки, то была бы цѣлая книжка», — пишетъ онъ.

Пластуны на Черноморьи отдѣльныхъ войсковыхъ частей не составляли, попрежнему они были и въ пѣшихъ и конныхъ частяхъ.

Въ официальной перепискѣ названіе «пластунъ» встрѣчается впервые въ 1824 г. Узналъ о нихъ извѣстный генералъ, герой Кавказа Ермоловъ отъ

атамана Власова, какъ о такихъ «искусныхъ стрѣлкахъ, равныхъ которымъ нѣтъ въ мірѣ».

Колыбелью пластуновъ и тогда была пѣхота. Обративши вниманіе на ихъ стрѣлковыя качества, генералъ Власовъ распорядился, чтобы для дѣйствіи противъ горцевъ были составлены особыя пластунскія команды изъ охотниковъ.

Въ 1832 году, при атаманѣ Заводовскомъ, были уже составлены «пластунскія команды» по три человека изъ пѣшихъ и конныхъ полковъ, знающихъ совершенно пластунское искусство, опытныхъ и храбрыхъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, при офице-

рахъ и урядникахъ, для кордонной охраны. Надобность въ нихъ миновала въ 1833 году и они были распущены по полкамъ.

Позже ихъ не разъ употребляли для развѣдки и какъ стрѣлковъ. Въ мирное время на охотѣ, приказомъ Войску отъ 5 іюня 1845 года пластунамъ было запрещено «стрѣлять на хрусъ», т.е. на шумъ отъ подхода звѣря, такъ какъ часто бывали случаи, когда пластуны, при невѣроятной способности этихъ стрѣлковъ попадать въ предметъ невидимый глазомъ съ помощью одного привычнаго слуха, — убивали бродившихъ въ густыхъ плавняхъ товарищей.

Въ Кавказской войнѣ пластуны не разъ совершали выдающіяся дѣла, но на это смотрѣли какъ на дѣло обычное. Такими же они были и въ Сева-

стопольскую кампанію, гдѣ прославились особенно 2-й, 5-й и 8-й баталіоны, въ 1854-55 г.

Пластуны того времени были вполне достойны своихъ запорожскихъ предковъ. Они одинаково удивляли какъ противника, такъ и русскихъ.

Вотъ какъ характеризуетъ пластуна того времени современникъ:

«Пластунъ — это обыкновенно дюжій, валкій на ходу казакъ, первообразно запорожскаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, не знающій удержа послѣ подъема; при хотѣнн — бѣгущій на гору, при нехотѣнн — еле плетущійся подъ гору; ничего не общающій внѣ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ»...

Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный зодчій можетъ поенебредить, но который, если его поворочать на всѣ стороны, можетъ угодить въ главу угла.

Сквозь сильный загаръ лица пробивается добродушіе, которое легко провести и вмѣстѣ суровая сила воли и убѣжденія. Умный взглядъ и навоенный, къверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ — это лицо окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говорить вамъ: не бойсь, передъ опасностью — ни въ задъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло — отъ его шага, отъ его взгляда и простыхъ словъ вѣетъ на васъ какъ кимъ то спокойствіемъ, какимъ то забвеніемъ опасности.

Черкеска отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже вслѣдствіе потеряннаго терпѣнія отъ починки, кожанными заплатами; папахъ вытертая, порыжѣвшая, но въ удостовѣреніе беззаботной отваги — лихо заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу — вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ съ деревяннымъ набойникомъ спереди около пояса и висящая съ боковъ пояса такъ называемая «причиндалія»: пороховница, кулечница, отвертка, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайка или даже скрипка — и вы составите

себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна какова она есть».

Таковъ былъ пластунъ періода Кавказскихъ войнъ.

Въ 1842 году по штатамъ, пластунскія команды были во всѣхъ конныхъ и пѣшихъ частяхъ Черноморскаго Войска, а за нимъ и Линейнаго. По нашему это были команды развѣдчиковъ.

Со временемъ, пѣшіе первоочередные батальоны специально уже обучались пластунскому искусству и пѣшій казакъ Кубанскаго Войска сталъ синонимомъ пластуна.

Въ 1864 году окончилась Кавказская война; къ севастопольскимъ георгиевскимъ знаменамъ, Кубанскіе пластуны получили еще новыя награды, а въ

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854 - 55 г.г.: 1. Марко Сопельнякъ. 2. Иванъ Кравченко. 3. Парамонъ Бѣлый. 4. Иванъ Чижъ. 5. Демьянъ Ониценко. 6. Тарасъ Сопельнякъ. 7. Порфирій Семакъ.

1870 году пѣшіе батальоны получили наименованіе «пластунскихъ». Въ кампаніи 1877-78 г.г. Кубанская пѣхота показала себя такими же пластунами, какими были Черноморцы раньше, хотя теперь и Линія и Запорожье выставляли пѣшіе батальоны.

Раньше ихъ было только 3 первоочередныхъ; въ Войскѣ Кубанскомъ уже — 6.

Пришла Японская кампанія и пластуны вновь украсили Войско отличіями; пришла — Великая война — они прогремѣли по цѣлому свѣту; спасали Кавказъ и честь Арміи въ Закавказьи, били прославленную германскую гвардію, удерживали знаменитую «фалангу Макензена» на р. Санѣ тогда,

когда ни российская трагедія, ни вся армія не смогли остановить ея напора; были «ударными частями» еще императорской арміи, спасая положеніе фронта вездѣ и всюду и были непобѣдимыми «Кавказскими орлами» на фронтѣ Турецкомъ, подъ Сары-Камышемъ.

Пришла война за Казачью волю, и пластунъ героически бился съ красными ордами.

И вездѣ и всегда отъ стародавняго Грюнвальда начала 15-го ст. и до нашихъ дней — скромная, незамѣтная, невзрачная казачья пѣхота творила чуде-

са храбрости и поражала доблестью современниковъ.

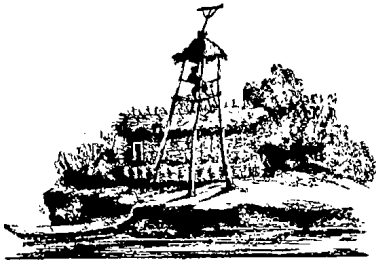
Пасынки регулярной арміи — они были незаменимыми блестящими героями боевой жизни.

Тихо, скромно, спокойно, съ присущимъ ему вѣковѣчнымъ юморомъ, дѣлалъ пластунъ свое обычное пластунское дѣло, не ища «ни корысти ни славы», а Слава сама его находила.

Полковникъ Федоровъ.

РАЗЛИЛАСЬ ТЫ...

... Разлилась... Разливалась...

А теперь часто вижу ее — пересошею... По всему ея широкому руслу — буристые пески, изсохшіе корчаги... гдѣ-гдѣ плѣснивыя лужи...

Обвалились гордые «шпили». Съ корнемъ высохшимъ, конвульсивно изогнутымъ трупомъ, лежить наша —

«Многоводная»...

Надъ нею, тамъ и сямъ, низко склонились многоствольныя вербы... А и гдѣ ужъ не плачутъ. Не шепчутъ молитвы. Тупо смотрятъ въ буристый песокъ, время отъ времени бороздя его голыми вѣтками... Слово молчаливая, бездѣльная мать, что «безучастными» руками прщупываетъ тѣло мертвого сына...

Ни пѣсенъ, ни смѣха, ни задорнаго ржанья коней, ни мычанья коровъ, ни фырканья барахтающейся въ водѣ дѣтвора казачьей...

Песокъ, корчаги, плѣснивыя лужи, да безкорыя вербы...

И ничто, ничто не открьетъ чужому, неказачьему оку, какая жизнь здѣсь разливалась — «Вдаль и вширь»...

Какія прекрасныя возможности стояли передъ казачьимъ —

Богатыремъ - народомъ!

Излилась въ бездонное море раздольная сила. Осиротѣла ковыльная степь. И безъ воли — «Станица Вольная»...

.....

Слишкомъ щедра ты была, наша Родина! Безъ учета и счета богатствомъ своимъ разбрасывалась. За друга и недруга слала насъ —

«Въ смертный бой»...

И — о тебѣ, здѣсь нынѣ вспоминая, — съ усмѣшкой горькой признаемся:

— Увы, ни пользы намъ — ни тебѣ — Славы!..

Характерные типы Кубанскихъ казаковъ Кубанской Казачьей дивизіи въ Сербіи.

Разливалась... А отъ разливовъ твоихъ чesались за ухомъ — твои - же. Была — Вольная, а

Казакъ конь себя дороже.

покорно несла дань — пока не обезкровилась, и отъ вѣкового богатыря не произошла въ — ничто.

Создала совершеннѣйшія въ мірѣ Свободу и Равенство, а истекла кровью, защищая совершеннѣйшіе въ мірѣ Деспотизмъ и Неравенство...

Ибо сыны твои тебя знали лишь —

«Изъ далекихъ странъ»...

И въ грозный часъ борьбы за самое Тебя -- Тебя —

«Не отстояли»...

Не сумѣли: ибо не знали Тебя...

Не знали источниковъ Своихъ. Не знали, что многоводность Твоя не въ «милосивнѣйшихъ грамахъ», а въ самобытности устоевъ Твоихъ. Не въ мертвыхъ заливныхъ болотахъ, а въ живыхъ подземныхъ ключахъ, бьющихся изъ глубины вѣковъ

Родившаяся въ кристалльныхъ льдахъ -- съ кристалльно чистою душою, безпечнымъ смѣхомъ, будто силы Твои неизбывныя — кормила Ты своею грудью и друга и недруга. Принимала званныхъ и незванныхъ, пока —

Гости не стали «хозяевами»,

А многоводность Твоя не правратилась въ плѣснивыя лужи...

Умеръ смѣхъ въ рассказаченныхъ станицахъ... въ тундрахъ сгнила Казацья

Пѣснь - Молитва,

А остатки остатковъ твоихъ — развѣяны по всему свѣту... И Богъ знаетъ, соберутся ли когда подъ единымъ стягомъ:

— За родной отовскій Домъ»...

Ночь ли спустится надъ родимую степью; лень ли ясный, безоблачный показываетъ мнѣ Тебя отъ Эльбруса до Маныча — неузнаваема —

Ты, Кубань, наша Родина!..

Странные, неизвестные люди -- странное, неизвестное одѣяніе. —

Лишь тоска, что вѣщей птицей — чибисомъ кружится надъ Твоимъ просторомъ —

Моя, Ты, Родина...

Ибо ея изъ сердца безъ сердца — не выкинуть. Она приковала мой духъ къ Твоему широкому без-

долью и тяжкими думами прокорчевываетъ путь къ Твоему -- Воскресенію.

Разлилась... Разливалась...

Но не Ты насъ выплеснула изъ родныхъ станицъ! Не улюлюканьемъ и злобнымъ смѣхомъ провожала Ты насъ...

Мертвой стражею заняла Ты кремнистые утесы Побережья. Слезами съ кровью напоила подземные ручьи Свои...

А если мы Тебя «тогда» не отстояли —

Страждущее казацье семейство одной изъ горныхъ станицъ на Кубани въ 1927 году. Глава ея — отецъ и мужъ — за рубежомъ. Школяры, вѣрные казацкой традиціи — снялись при отцовскихъ кинжалахъ.

То не потому, —

Что не хотѣли. —

Не смогли. Не сумѣли. Не знали.

И если Ты «тогда» «покорно»

Разливалась —

Теперь сумѣемъ втиснуть Тебя въ берега Твои.

Вл. Куртинъ.

Церковная жизнь на Кубани

со времени прибытія Запорожцевъ до послѣднихъ дней.

Когда Запорожцы изъ Буджацкихъ степей въ 1792-1793 г.г. переселились на Кубань и въ поискахъ мѣста, гдѣ бы можно и удобно было стать кошемъ, пришли и остановились въ Карасунскомъ куту, — то однимъ изъ первѣйшихъ дѣлъ, которыя они со-

вершили, закладывая нынѣшній Екатеринодаръ, — было сооруженіе двухъ церквей: Екатериненской и Войскового Собора. Дубы, покрывавшіе въ то время оба берега Карасуна (ихъ остатки можно было видѣть до послѣднихъ дней въ садахъ Духовнаго и

Отъ Бога положено казаку выше быть.

Епархіального училища и на Дубинкѣ), были вырублены и изъ нихъ же была сооружена Екатерининская церковь. *)

Иначе и трудно было представить ихъ начало жизни на новомъ мѣстѣ, у этихъ рыцарей и стражей св. Православной церкви, у которыхъ единственнымъ условіемъ принятія въ ихъ славное братство, «Сичъ Запорожскую», была вѣра въ Бога и Пресвятую Троицу и православное крестное знаменіе. И всѣ тѣ тридцать восемь куреней, которые были и въ Запорожьи, раскинулись по своимъ мѣстамъ, начинали свою жизнь съ сооруженія храма. Станицы позднѣйшаго возникновенія, начиная съ одновременной куренямъ Екатерининской, часто однимъ своимъ названіемъ говорили, что не мыслить казачество своей жизни безъ церкви и внѣ ея.

Въ тѣ же первые годы своего поселенія на Кубани были основаны Войскомъ два монастыря: Николаевскій и Маріе-Магдалинскій — женскій. И много лѣтъ въ первомъ монастырѣ, куда по старому запорожскому обычаю уходили старые воины, не могущіе уже по немощи старческой держать саблю въ ослабѣвшихъ рукахъ, — среди монастырской братіи и преобладалъ элементъ болѣе привыкшій въ своей жизни къ дыму пороховому, нежели кадилному. — Словомъ, въ концѣ 18-го вѣка на одной изъ окраинъ Россійской имперіи прочно осѣло нѣскольکو десятковъ тысячъ людей исключительно глубокой религіозности, необычайной твердости въ вѣрѣ и преданности св. Православію. Тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ организаціи этой стороны своей жизни казаки на Кубани были почти предоставлены самимъ себѣ. Въ церковно - административномъ отношеніи первое время своей жизни на новыхъ мѣстахъ Черноморское войско зависѣло отъ епископовъ Екатеринославскихъ, въ Екатеринодарѣ же было организовано (и то не сразу) Духовное Правленіе съ очень ограниченнымъ кругомъ дѣлъ. Войсковые протоіерей, въ силу такихъ обстоятельствъ, сразу пріобрѣли исключительно высокое положеніе въ церковно - религіозной жизни новаго края и отъ ихъ душевныхъ качествъ и добраго расположенія многое зависѣло въ дѣлѣ устроенія церковной жизни на Кубани. Попеченіемъ Божиимъ въ первые же десятилѣтія жизни казаковъ на Кубани былъ воздвигнутъ великій свѣтильникъ вѣры и просвѣщенія — приснопамятнымъ о. протоіереемъ Кирилломъ Россинскимъ. Упорядоченіе церковной жизни и особенно начало народнаго просвѣщенія на Кубани неразрывно связано съ его именемъ. При немъ, въ 1818 - 22 г.г. было открыто первое учебное заведеніе на Кубани — «Екатеринодарское духовное училище» (приходское и уѣздное), помѣщавшееся дол-

*) Въ послѣдніе годы, послѣ освященія Екатерининскаго Собора, старая Екатерининская церковь была перенесена въ «Сады», въ сѣверной ихъ части, по направленію къ станицѣ Новотитаровской.

го въ сторожкѣ Екатерининской церкви на сѣверо-западномъ углу Екатерининской площади (противъ телерешняго дома Бородина). Нѣсколько позднѣе имъ же открывается Войсковая Гимназія, и въ своемъ лицѣ о. К. Россинскій объединяетъ все церковное и просвѣтительное дѣло на Кубани. Онъ былъ предсѣдателемъ Духовнаго Правленія, Смотрителемъ духовныхъ училищъ, Директоромъ Войсковой Гимназіи и Войсковымъ Протоіереемъ. Равнаго ему по своей дѣятельности и значенію изъ послѣдующихъ Войсковыхъ протоіереевъ уже не было, но дѣло, начатое имъ, не погибло, и возросши — принесло многократный обильный плодъ.

Кубанскій Войсковой Собор

в г. Екатеринодарѣ.

Отдаленность епархіальной власти отъ Черноморья представляла большія затрудненія для церковной жизни на Кубани. Бывали случаи, когда какой-нибудь «дьячекъ» Калайтанъ дважды въ лѣто долженъ былъ являться къ «Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Іову, Архіепископу Екатеринославскому», — и, чтобы поощрить его ко второй поѣздкѣ, ему былъ обѣщанъ стихарь, неизвѣстно, впрочемъ, полученный ли имъ.

Многія сотни верстъ разстоянія, бездорожье того времени, дѣлали Кубань заброшенной и оторванной, а вслѣдствіе этого часто забываемой. Для устраненія этихъ неудобствъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія Черноморье въ церковномъ отношеніи было присоединено къ Астраханской епархіи, но нельзя сказать, чтобы это мѣропріятіе было особенно удачнымъ. Астрахань была болѣе отрѣзана отъ Кубани, чѣмъ далекій Екатеринославъ: 400 верстъ совершенной пустыни, безводныхъ калмыц-

кихъ степей, особенно въ зимнюю пору бурановъ и морозовъ дѣлали совершенно невозможнымъ сообщеніе Астрахани съ Екатеринодаромъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что астраханскіе архіереи сами просили объ отчисленіи отъ ихъ епархіи Черноморья, и въ скоромъ времени церкви и приходы Кубани были подчинены Донскимъ архіепископамъ, въ подчиненіи у которыхъ и были до образованія Кавказской епархіи.

Эта новая епархія обнимала собою громадное пространство: весь Сѣверный Кавказъ, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, съ епархіальнымъ центромъ въ Ставрополѣ Кавказскомъ. Совершенно понятно, что Ставропольскіе архіереи, начиная съ перваго епископа Кавказскаго Теофилакта и оканчивая архіепископомъ (умеръ въ санѣ митрополита, не зная объ этомъ, въ 1919 г.) Агаѳодоромъ, всю свою дѣятельность направляли на близкій и знакомый имъ Ставрополь, часто совершенно забывая о заброшенномъ, далекомъ Екатеринодарѣ. Бывали случаи и явнаго небреженія церковными интересами и запросами Кубани. Еще по представленію, кажется, преспопаяннаго о. Кирилла Росинскаго было положено начало образованію такъ называемаго «Черноморскаго духовнаго учебнаго капитала», предназначавшагося, понятно, на устройство и содержаніе духовно-учебныхъ заведеній на Кубани. Къ 80-ымъ годамъ прошлаго столѣтія этотъ капиталъ возросъ до солидной суммы, далеко превышавшей 100.000 руб. Изъ этихъ денегъ дѣлались свободно позанствования на постройку епархіальнаго училища въ Ставрополѣ по тому исполнѣ справедливому соображенію, что это училище будетъ обслуживать и Кубань. Но когда Кубанское духовенство на сѣздѣ своемъ въ началѣ 80-хъ годовъ постановило употребить оставшіяся деньги этого капитала на постройку новаго зданія духовнаго училища (уголь Котляревской и Екатерининской, рядомъ съ подворьемъ Лебяжьяго м—ря), — преосв. Германъ (Остцкій) рѣшительно воспротивился этому, и вопросъ благополучно разрѣшился уже при другомъ епископѣ.

Словомъ, въ церковномъ отношеніи Черноморье и Кубань все время были какъ бы заброшены и пренебрежены. Богатый край, населенный исключительно по своей религіозности и церковности народомъ, былъ все время придаткомъ другихъ областей, иногда далеко уступавшихъ ему въ этомъ отношеніи.

Интересно отмѣтить, что на объединенномъ епархіальномъ сѣздѣ Кубани и Ставрополя на Церковный Московскій Соборъ 1917 года только препод.

Ставропольской Дух. Семинаріи Я. Д. Сперанскій былъ отъ Ставрополя. Остальные четыре члена, два отъ духовенства и два отъ мірянъ (оба казаки) были Кубанцы. На Московскомъ Соборѣ было еще два Кубанца — представители Кавказской арміи.

Менѣе населенный и болѣе бѣдный Терекъ успѣлъ получить церковную самостоятельность въ концѣ прошлаго столѣтія. А многолюдная, богатая Кубань съ ея 450 приходами, 5 монастырями, богатыми храмами и искомнымъ православнымъ населеніемъ не могла этого добиться до времени Ставропольскаго помѣстнаго Собора (май 1919 г.), когда полусамостоятельное Екатеринодарское викариатство было окончательно выдѣлено въ самостоятельную епархію съ епископомъ Іоанномъ — Кубанскимъ и Екатеринодарскимъ — во главѣ.

Прошлое прошло. Впередѣ будущее. И если въ минувшемъ были ошибки и недостатки, тѣмъ болѣе должны беречься отъ нихъ тѣ, кому Богъ приведетъ вновь строить жизнь на Кубани. Для народа, утратившаго вѣру и все съ ней связанное, — нѣтъ свѣтлаго будущаго. И сколь силенъ въ своей религіозности, а вмѣстѣ съ этимъ во всякой жизненной борьбѣ, тотъ народъ, который всѣмъ существомъ своимъ связанъ черезъ церковь и ея установленія съ самой глубиной религіозной жизни. Обычнымъ и естественнымъ на Кубани было явленіе, когда славный казакъ самъ ли непосредственно, черезъ своихъ ли дѣтей становился въ ряды клира, — приобщаясь тѣснѣйшимъ образомъ черезъ это къ Церкви, ея жизни и дѣятельности. И славный хорунжій Запорожскаго войска, переносившій на плечахъ пушку во время боя, на склонѣ дней своихъ, своими ослабѣвшими силами мирно служилъ церкви Божіей, подавалъ кадило снѣщеннику.

Скиданы, Канайтаны, Конограи, Ширази, Шкуро, Погуляевы, Николайченки, Куши и мн. др. фамиліи говорятъ о неподдѣльности, о неразрывности духовенства отъ казачества на Кубани, напоминая лучшія прошлыя времена, когда Тупталы и Горленки давали свв. Димитріевъ и Исафовъ.

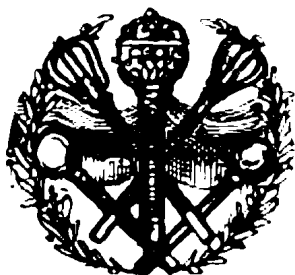
Да благословитъ же Господь Богъ родную Кубань, послѣ прогнанія красной нечисти, процвѣтаніемъ вѣры и благочестія, красотой и благолѣпіемъ храмовъ Своихъ, чистотой и подвижничествомъ обителей подъ мудрымъ водительствомъ своихъ архіереевъ, епископовъ Кубанскихъ и Екатеринодарскихъ.

Ментона.

Протоіерей Григорій Ломако.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ЮНКЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КУБАНСКАГО ВОЙСКА

(Отрывок очерковъ «Наше прошлое»)

Для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, Ставропольское казачье юнкерское училище имѣло особое значеніе — оно помогло имъ избавиться отъ пополненія своихъ строевыхъ частей офицерами не изъ казаковъ.

Отличаясь прекрасными боевыми качествами, казачье офицерство, относительно параднаго и, вообще, внѣшняго лоска — во многомъ уступало армейскому. Въ то время, какъ послѣднее представляло собою совершенно отдѣльную касту въ арміи, связанную съ рядовымъ составомъ ея только общностью службы, — казачье офицерство было связано съ рядовымъ казачествомъ не только службой, но и общей частной жизнью въ станицахъ, гдѣ оно не пользовалось почти никакими привилегіями. Этой общности офицерства съ рядовымъ казачествомъ много способствовали и родственныя отношенія. Зачастую въ одной семьѣ казака можно было встрѣтить сыновей офицеровъ и, наоборотъ, въ семьѣ офицера — сыновей, рядовыхъ казаковъ, или двухъ братьевъ, изъ которыхъ, одинъ былъ офицеромъ, другой оставался рядовымъ казакомъ всю жизнь. При этомъ нужно имѣть въ виду, что казачьи офицеры, за свою службу пенсій не получали и сами должны были заботиться о пріобрѣтеніи средствъ для жизни послѣ отставки. Взамѣн пенсій они пользовались періодическими льготами для поддержанія своихъ хозяйствъ, когда приходилось работать дома наравнѣ съ прочими казаками. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, лайковыхъ перчатокъ на руки не натянешь и, привыкну танцевать на конѣ въ бою и съ вилами и граблями на льготѣ — особенной склонности къ бальнымъ танцамъ не получишь. Были, конечно, исключенія изъ этого, именно, въ лицѣ окончившихъ курсъ кадетскихъ корпусовъ или гимназій, но такихъ было очень и очень мало. Они какъ-то терялись въ общей массѣ. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, армейское офицерство, не отличавшееся и само особенно широкимъ кругозоромъ, относи-

лось къ казачьимъ офицерамъ свысока, возбуждая къ себѣ непріязнь послѣдняго. Между тѣмъ кончилась Кавказская война, вся армія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, казачьи части перешли на мирное положеніе и центр тяжести службы перевѣсился съ боевой дѣятельности на подготовку къ боевой службѣ въ мирномъ положеніи: — практику смѣнила теорія.

Начальство, всегда смотрѣвшее на казачество, какъ на второстепенное воинство — нашло полезнымъ допустить къ службѣ въ казачьихъ строевыхъ частяхъ и армейскихъ офицеровъ, какъ болѣе знакомыхъ съ субординаціей, въ которыхъ оно видѣло главную основу военнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду, этой мѣрой поднять престижъ казачьяго офицерства, и сблизить его съ армейскимъ.

Надежды эти не оправдались и привели даже, пожалуй, къ нежелательнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что въ казачьи части шель далеко не лучший элементъ армейскаго офицерства, а тѣмъ, которымъ ничего больше не оставалось — либо выйти въ отставку, либо идти «въ казаки». Были, конечно, изъ этого исключенія, но они были очень и очень рѣдки. Своеобразно поняли эти армейскіе офицеры свободу казачества. Попадая въ строевыя казачьи части, они прежде всего считали себя свободными отъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя налагала на нихъ прежняя служба. Небрежность, манкированіе службой, полное непониманіе и нежеланіе понять принятыхъ на себя обязанностей — были обыкновеннымъ явленіемъ среди нихъ. Кутежи и карточная игра, которая до того считалась среди казачества чуть не омерзительнымъ грѣхомъ — были обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ. Во всемъ чувствовалось полное разгильдяйство.

А между тѣмъ, чуждое казачеству Войсковое начальство видѣло въ нихъ просвѣтителей казачества и старалось отличать ихъ, правда, по возможности, на высшія ступени служебной іерархіи. Ближайшее-же, зная это, остерегалось быть къ нимъ слишкомъ требовательнымъ. Это породило разнь между офицерами въ частяхъ, которая поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что офицеры, переведенные изъ арміи, сохраняли свой армейскій окладъ содержанія, который въ первое время былъ выше содержанія казачьихъ офицеровъ. Выходило такъ, что кто служилъ не за страхъ, а за совѣсть, расцѣнивался дешевле. Отсюда дѣлается понятной та нетерпимость казачьихъ офицеровъ ко всякаго рода пришельцамъ въ ихъ среду, которая не была изжита окончательно даже до послѣдняго времени.

Терпи казакъ — Атаманомъ будешь.

Тѣмъ болѣе, что пришельцы эти относились нѣсколько свысока къ казакамъ.

Не лучшія отношенія установились у этихъ офицеровъ и съ рядовымъ казачествомъ, несмотря на всѣ способы, употребляемыя ими для пріобрѣтенія популярности, способы, доходящіе до панибратства. Попадъ въ среду совершенно имъ чуждую, они старались внѣдрить въ нее тѣ-же приемы и тотъ духъ, которые были для нихъ привычны въ предыдущей ихъ службѣ, не считаясь съ тѣмъ направлениемъ, которое господствовало съ давнихъ поръ въ средѣ новой ему обстановки, въ которой они являлись совершенно чужими людьми. Они приходили въ чужой монастырь со своимъ уставомъ. Прежде всего нужно отмѣтить ту рознь взглядовъ на службу, которая существовала между армейскими офицерами и казаками.

Въ арміи формализмъ имѣлъ преобладающее значеніе. Тамъ онъ оправдывался необходимостью спайки разнородныхъ элементовъ, попадавшихъ въ контингентъ ея пополненія. Его нужно было привести, что называется, къ одному знаменателю; при этомъ всякая мелочь, конечно, имѣла большое значеніе, какъ способъ подготовки къ согласованному дѣйствію массы. У казаковъ, съ малыхъ лѣтъ связанныхъ чувствомъ товарищества и взаимной выручки, такія подготовительныя требованія были совершенно излишни. Они давно имѣли свой общій знаменатель и считали всякую формальность «пустяковой», не имѣющей никакого значенія къ боевой подготовкѣ. Въ концѣ концовъ и само начальство пришло къ заключенію, что назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части не очень-то полезно, такъ какъ они «незнакомы съ бытомъ казачества» — фраза, ничего, въ сущности, не выражающая и понималъ вѣдь его и само начальство, въ большинствѣ чуждое казачеству, такъ какъ, несмотря на все это, — назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части продолжалось. Не имѣя другого фундамента для своего авторитета средъ казачества, офицеры эти опирались на свои чины и привилегіи у начальства и доходили, иногда, до полнаго безобразія.

Рядовое казачество если этого всего и не понимало, то чувствовало и, конечно, не могло имѣть особенной симпатіи къ нимъ. Если каждая строевая часть имѣла свои традиціи, хранителями которыхъ являются офицеры полка, то казачьи части, кромѣ того, имѣютъ еще и свои войсковыя традиціи, хранителями которыхъ являются всѣ офицеры войска. Какими же хранителями традицій будутъ эти чуждые войску офицеры, въ большинствѣ относящіеся не только свысока, но часто и съ пренебреженіемъ къ самому Казачеству?!

Въ общемъ итогъ, результаты всего этого оказались весьма плачевныя, а именно:

1. Престижъ казачьяго офицерства не только не былъ поднятъ, но скорѣе понижился, такъ какъ назначеніе въ казачьи части регулярныхъ офице-

ровъ, оставшихся почему либо неудобными въ арміи, служило оправданіемъ пренебрежительнаго отношенія къ казакамъ.

2. Внѣдреніе регулярнаго элемента въ казачью среду раскололо офицерство на двѣ части: привилегированныхъ — регулярныхъ, и обыкновенныхъ — казачьихъ.

3. Оторвало совершенно офицерство отъ рядового казачества, переставшаго чувствовать общность интересовъ.

4. Въ общемъ, — способствовало скорѣе ослабленію боевыхъ качествъ казачества, чѣмъ укрѣпленію ихъ.

Исправить все это выпало на долю Ставропольскаго казачьяго юнкерскаго училища и нужно сознать, что оно прекрасно справилось съ этой задачей, давъ рядъ выпусковъ чудныхъ строевыхъ офицеровъ по стывамъ строевого начальства.

Расширить контингентъ комплектованія корпуса офицеровъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ Войскъ, замѣнивъ цензъ прохожденія въ строю цензомъ образовательнымъ, — Ставропольское училище дало возможность достигъ офицерскаго чина и рядовому казачеству, что прежде было невозможно, помимо боевого отличія. Училище, такъ сказать, демократизировало корпусъ офицерства. Казалось бы, что эта мѣра должна была бы увеличить рознь между армейскимъ и казачьимъ офицерствомъ, но ввиду такой же реформы комплектованія перваго, она, наоборотъ сближала ихъ, такъ какъ и въ среду армейскихъ офицеровъ попадали молодые люди разныхъ классовъ, сословій и состоянія, которымъ нечѣмъ было особенно гордиться передъ казачествомъ. Это былъ первый и существенный шагъ къ ихъ сближенію. Казачество широко воспользовалось предоставленными ему правами и во все время своего существованія — училище никогда не было въ не-комплектъ своего штатнаго состава. Если первые абитургенты его были воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, до имѣющихъ аттестатъ зрѣлости включительно, то уже со втораго года начали появляться молодыя люди самостоятельно подготовившіеся къ экзамену на права вольноопредѣляющагося 3-го разряда, дающихъ право на поступленіе въ училище. Число такихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Пробывъ 7 лѣтъ въ Ставропольскомъ училищѣ въ качествѣ строевого офицера и преподавателя, по чистой совѣсти могу засвидѣтельствовать, что такого серьезнаго отношенія къ своему дѣлу, такого усердія и любви къ нему, какое обнаруживали юнкера этого училища, — трудно не только встрѣтить, но и вообразить, не будучи очевидцемъ. Чему его приписать? Быть можетъ сознаніе однихъ, что они хватаются за послѣдній сучекъ для спасенія своей будущей жизни; честолюбіе другихъ — надѣтъ офицерскіе эполеты, о которыхъ только видѣлось во снѣ, какъ недостижимое достиженіе — судить не берусь, но фактъ остается фактомъ. Неудивительно, что училище, ежегодно